

дисциплин, или наоборот. На постнеклассическом этапе развития образования на первый план должно выходить гармоническое объединение как гуманитарных так и естественнонаучных дисциплин.

Ключевые слова: эссенциализм, энциклопедизм, прагматическая образовательная программа, гуманитарные и естественнонаучные науки, постнеклассика.

SUMMARY

I.V. Knysh. The Humanities and the Natural Sciences in the Post-non-classical Education.

The article deals with the teaching of the humanities and the natural sciences in the post-non-classical education. In the analyzed approaches (essentialism, encyclopedic, pragmatic educational program, etc.), considerable attention was paid to the role of the humanities and natural sciences underestimated, or vice versa. At the post-non-classical stage of education to the forefront should go out as a harmonious union of human and natural sciences.

Keywords: essentialism, encyclopedic, pragmatic educational program, the humanities and the natural sciences, post- non-classikal.

167.6+167.7+123.1

З. Ю. Макаров
Винницкий национальный
технический университет

КЛАССИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ «ЗАКОН» В ПЕРСПЕКТИВЕ СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

В статье проводится эвристическое сопоставление актуальных проблем вероятностного подхода, модельной репрезентации, послелапласовского детерминизма в контексте современной научной рациональности с целью представить современную номологию способной непротиворечиво охватить различные смыслы категории закон, в частности наиболее проблемные «стохастические» со свойственными им процессуальными характеристиками случайности. В сочетании с постнеклассическим образом мира, в котором наблюдается синтез классической и неклассической интенций онтологии, антропологии и социальной культурологии, структурный потенциал классической категории закона обещает обеспечить дисциплинарную коммуникацию для более полной экспликации современной научной рациональности.

Ключевые слова: закон, номология, случайность, вероятность, идеализация, модель, объяснение, понимание, целесообразность, рациональность.

Постановка проблемы. В современных условиях (меж)дисциплинарного (раз)общения заметно испытывается значимость закона как классического идеала-ориентира для научной деятельности: проблематизируется эпистемологическая *функция* организации внешних случайностных аспектов вещей в их внутреннюю существенную связь, придававшая ему статус научного коррелята философской категории необходимости. В частности, речь идет об актуализации первоначальной механистической попытки внедрения случайности в законы посредством вспомогательной концепции *vitesse virtuelles*. Эти множества «возможных перемещений» (импульсов, скоростей, моментов и др.), эксплицированные в ходе совмещения во времена И. Бернулли, П. Л. М. Мопертюи и Ж.-Л. Лагранжа аналитической механики с атомистическим учением, статики с динамикой, представляют собой диапазон или часть возможных причин движения, которые при формальной согласованности с наложенными на систему связями не прошли отбора специальных условий динамического закона. Тогда их рабочее использование было нивелировано прагматическим контекстом зрелого уровня знания с чертами универсализма, эссенциализма, имплицативной структуры, суммативности уровней описания и других сильных идеализаций, где проблема различения структуры и динамики реальности считалась разрешенной.

Несмотря на большую востребованность виртуальности в физике микромира, последующая инструменталистская тенденция *неклассической* науки, которая перевела закон в статус *условного* языкового описания, также обходит эту проблему, сосредотачиваясь на формальной коммуникации альтернативных репрезентаций. Как свидетельствуют историко-научные коллизии установления отношений классического номологического (каузально-объяснительного) и неклассического феноменологического (описательно-предсказательного) уровней языкового выражения реальности, когда для некоторых типов объектов была осознана проблематичность установления закона по действующим на систему силам, стали утверждаться вероятностные *распределения* Д. Максвелла, Л. Больцмана, выражающие статистику возможных *состояний* ансамблей элементов и вероятности их достижения. Однако уже скоро понадобились средства вычисления их *динамики* с позиций временной эволюции, только в подобных динамических величинах Р. Релея, У. Д. Гиббса, А. Эйнштейна, М. Смолуховского структурный аспект множеств недооценивался, что вызвало к жизни новые нединамические средства описания и идеализации, вроде «колебательной системы» [37, 138].

Таким образом, инструменталистское порождение множества качественных спецификаций научной репрезентации реальности (кинематические, функциональные, бихевиористские, теоретико-информационные и др.) на следующем этапе уравнивается ответным коррективом, требующим *совмещения* пространственного и временного подходов в изучении сложноорганизованных систем самого разного

происхождения. Здесь намечается синтез *статических* (элементарных и статистических «состояний») и *динамических* (жестко-детерминистских и вероятностных «законов») номологических образцов, представляющих соответственно стороны универсальной репрезентационной дилеммы организации и эволюции. В ходе подобной теоретизации они теряют наглядность, обратимость и универсальность в менее ригидных *стохастических* способах описания, основанных на процессуальности вероятностных величин, до поры следуя образцу имплицитивно-номологической структуры динамических законов. Однако такие особенности *постнеклассической* предметности, как флуктуативность, уникализм, объективность диспозиций, вариативность номологических соотношений, расширение «принципов отбора» до аксиологических и прагматических, которые в общем можно квалифицировать как «виртуальную работу» в самом номологическом описании, ставят под сомнение *перспективу* следования исходному идеалу полноты «организации внешних аспектов вещей в их внутреннюю существенную связь».

Относительно разрешения обозначенной проблемы в существующих исследованиях и публикациях заметим, что рассматриваемой нами категории в недавней отечественной диалектико-материалистической традиции уделялось много внимания: достаточно вспомнить «универсально-всеобщие» законы диалектики, положенные в основание всей классификации научных законов. Усилиями партийных философов, а также представителей конкретно-научной методологии, общенаучных и междисциплинарных подходов (В. П. Тугаринов, В. Н. Панибратов; В. Г. Иванов, А. Л. Субботин, В. Н. Карпович, А. К. Уледов, С. И. Гончарук; В. С. Тюхтин, Б. В. Ахлибинский и др.) была создана стройная система соотношения различных законов, во многом подытоженная в сборнике «Категории «закон» и «хаос»» [15]. Обоснование природы, генезиса, структуры законов проводилось в связи с формальной структурой других общенаучных и мировоззренческих категорий и исторической динамикой содержания, а также познавательных *средств определения*. В составе последних в соответствии с господствующей мировой интеллектуальной стратегией особая роль отводилась рациональным *процедурам* (абстрагирования, идеализации, моделирования, формализации), анализирующим бытие на отдельные аспекты и линейные модальности. Именно в них как условия понятийного мышления и принято было обнаруживать фундаментальный принцип закономерности, первоначальная односторонность которого требовала, однако, диалектического преодоления в духе асимптотического приближения законов к необходимости всеобщей связи мирового процесса [см., напр., 39]. Другими словами, вторичное восстановление «связи всего со всем» (в том числе противоречивых сил, уникального и повторяемого, индивидуального и общего) должно оплачиваться статистизацией закономерностей. Причем провозглашение того, что они «...» не имеют иной реальности, кроме как в

приближении, в тенденции, в среднем «...» [39, 483] происходило без ревизии принципиальных атрибутов корреспондентности, полноты, достоверной интерпретируемости. Для диалектического материализма реализацию статистической концепции действительности следовало объяснять издержками понятийной формы и ограничить преимуществами в области научной и социальной прогностики: если развитие детерминизма в рамках концепции динамических законов позволило осознать случайность как объективную взаимосвязь и конкретную форму проявления необходимости (законов), то «статистические законы позволяют анализировать случайные явления, входящие в закон, и классифицировать отдельные случайности» [7, 30]. Последние, как считалось, могут обогатить динамические законы большей гибкостью и эвристичностью для вероятностного предсказания событий, произведенных случайным осуществлением содержащихся в законе возможностей.

Подобная установка, заложенная относительно закона еще классическим естествознанием, несмотря на критику его идеалов, не теряет своей актуальности ни у нас, ни на Западе (М. Бунге, Д. Рюэль, Ю.И. Гильдерман, В.П. Капитон, Г.И. Рузавин и др.), тем более, что в социогуманитарном познании обозначенное выше испытание случайностью атрибутов научного закона осложняется субъективным источником случайности как дополнительной переменной. Другими словами, там труднее разделить ценности, выводимые исследователями из онтологии, и ценности, вводимые в онтологию историческими социокультурными традициями и новациями: «образ должного предшествует образу сущего» [11].

С другой стороны, в плюрализме западного мировоззрения особенно после ницшеанской [24, 256–257] и витгенштейновской [6, 204–213] критики закона и детерминизма вообще, статистические неоднозначности в описании и предсказании могут свидетельствовать о проблематизации объективности и состоятельности научной номологии как таковой. Еще один из пионеров нового рационализма Г. Башляр в своем обзоре «некартезианской эпистемологии» существенным свойством законов в неклассическом контексте «диалектики ненаглядных понятий» считал их способность выражать реальную сложность, асистемность действительности. Если динамические законы классической науки диктовались интуицией онтологической простоты, осложнявшейся эмпирическими отклонениями или возмущениями, то научным законам XX в. должно приходиться к простоте только в порядке дидактического упрощения, оконечивания, оставаясь онтологически «вязкими» и «нечеткими» [3]. А уже постструктуралист Ж. Бодрийяр, опираясь на аналогию динамических и статистических способов естественнонаучного описания, с одной стороны, и моделей языкознания, с другой стороны, уже предчувствует «по ту сторону принципа неопределенности» долгожданное научное признание случайности как «колебания» закона и «обратимости» причинного порядка [4, 163–164].

Действительно, «системные объекты» современной физической химии,

изучаемые «нелинейными» математическими теориями, заставляют пересмотреть способы и виды детерминации закономерного движения измеряемых свойств в пользу индетерминистских категорий с определяющим свойством стохастичности. Однако за релятивистским авторитетом новейших физико-математических моделей естествознания у постструктуралистов, как показывают работы менее радикально настроенных авторов [См., напр., 33], может стоять известное желание удостоверить научные гипотезы или идеологические спекуляции терминами, методами и моделями более уважаемых на данное время дисциплин или иррационалистическое пресыщение многообразием актуального неклассического этапа социогуманитаристики. Таким образом, устанавливается **цель статьи** исследовать формирование категории «закон» в классической науке в связи с ее рациональными предпосылками, с тем чтобы критически оценить историческую и дисциплинарную универсальность этой связи сегодня.

В ожидании постнеклассического методологического синтеза наряду с уже отмеченными особенностями наибольшее внимание уделяется феномену «сингулярного», диктующего репрезентации специфических эволюционирующих объектов имманентные характеристики *хаоса*, в котором отдельные события могут выходить из-под диктата закона и даже принимать равный ему статус «перволотчка» [27]. Поскольку это задевает мировоззренческие и методологические принципы рациональности («оптимизма», «упорядоченных последовательностей») [19], в выводах относительно обновленного содержания категории закона наблюдается противоречивая тенденция.

С одной стороны, заметно продолжение неклассической негации структуры дифференциальных уравнений как более оправданных для описания механического движения, теперь уже в стремлении эксплицировать способы опосредования объект(ив)ного познания субъективными установками и смыслообразования вообще [34, 36]. Тогда научная репрезентация реальности должна сопровождаться принципиальным *отказом* от рационалистского идеала все(вы)ведения и логической гарантии стабильности законов – преимущественно в метафорической форме «хаоса», «ризомы», «спонтанности» и т.п. «Классическая традиция рассматривать частные события как проявления общих законов не работает по отношению к событиям случайного выбора системой одного из вариантов решений в особых точках (точках бифуркации, например). Однозначное предсказание в них невозможно, как и стандартное объяснение. Однако и по отношению к событиям как проявлениям законов ситуация меняется. В нелинейной науке аналитическое решение нелинейных уравнений, как правило, невозможно» [10, 195].

С другой стороны, такое опосредование проводится с классической целью разделения реальности и обстоятельств ее познания, чтобы эти

обстоятельства обобщить или элиминировать, свидетельствуя тем самым о сохранении приверженности «*платоновской парадигме*». Архаичность последней, с позиций передовой методологии эволюционирующих объектов, состоит в предпочтении мира идей с соответствующим признанием первореальности и корректной мыслимости только за субстантивным, тем что «уже есть» [30]. Оно-то и выступает «законом» для производных и(ли) дополнительных обстоятельств вещного *несовершенства*, сообщая ему телеологическую *направленность* к исходному монизму истины-реальности. Причем итоговое восстановление вещной естественности осложняется переосмыслением в период становления классической науки античной категории свободы: простого устранения случайных пространственно-временных обстоятельств в пользу *естественной очевидности*, диктуемой общностью опыта социальной традиции, уже недостаточно. Ее следует удостоверить противоположным путем преумножения и экстремализации случайных обстоятельств, с тем чтобы выстоявшая под их натиском «индивидуальная природа» проявила свою свободу и подлинность. Таким образом, в экспериментальной очевидности, стоит только устранить те из обстоятельств, которые не поддаются контролю воспроизводства, будут совпадать инвариант онтологических отношений и нейтралитет опытных предпочтений. В официальной версии Ф. Бэкона подобная направленность культивируется определенной организацией познавательной деятельности: «всего вернее истолкование природы достигается посредством наблюдений в соответствующих, целесообразно поставленных опытах. Здесь чувство судит только об опыте, опыт же — о природе и о самой вещи» [5, 23].

Опытное целесообразие, о котором здесь идет речь, действительно призвано остранить или возвысить несовершенство обыденных связей и последовательностей. Однако желание демократизировать и обобщить это мастерство в контексте удостоверяющей гносеологии Нового времени привело к математическому оформлению познавательных целей в *идеализациях*. Последние прореживают номенклатуру детерминизма до «формальной причины» будущих ньютоновских законов движения (*legere motus*), а качественные материальные тела – до их избирательных моделей: ««...» мы уменьшаем разнообразие мира, а тем самым упрощаем его и вместе с тем нечто о нем (о мире, как мы его представляем) узнаем. Ибо „узнать что-либо о мире” – это тоже самое, что „открыть в нем (или создать) некоторый вид порядка”» [21, 173].

Усилиями основоположников европейской классической науки формальные отношения моделей приобретают количественную структуру и образуют автономное исследовательское поле с перспективой нетривиальной интерпретации и дедуцирования новых явлений и законов [2]. Вместе с тем, помимо всех коннотаций «платоновской парадигмы», где каждое явление рассматривается как индивид, причастный определенной умопостигаемой идее, в них равным образом реализуется квазюридическая родословная схоластики с ее аверроистским изобретением истины, освобожденной от

правды: избирательная общность модели уже не выражает целого, а только легализует с помощью эксперимента частное. «Эксперимент в отличие от простого случайного опыта или наблюдения начинает трактоваться как некий артефакт, как специальное создание искусственных условий, в которых явление, вырванное из естественных связей, могло бы явить некоторую закономерность (устойчивость своего бытия)» [18, 31]. Мировоззренческое убеждение в наличии такого бытия («естественной сущности»), единообразно раскрываемого в явлениях подобно идеальному законодательству в стихии социальной жизни, не позволяло отождествлять препарирование научных фактов с насильственным воздействием на естественные процессы. Так, по замыслу Г. Галилея, трансцендентно оправданная идеализация позволяет охватывать в математизированной номологической структуре исчерпывающий спектр линейно упорядоченных индивидов-модусов. Тогда познание объекта может быть сведено к количественному описанию с артикуляцией натуральных и целесообразных условий, а сам объект может быть однозначно приведен ко всем преобразовательным возможностям, соответствующим данной идее.

Вскоре после подчинения законов движения И. Ньютоном единой теории тяготения и гносеологического упразднения Д. Юмом трансцендентного Законодателя идеализации в кантовской рефлексии достигают статуса неуязвимых для внешней критики категорий разума как такового, ««...» так как в противном случае наблюдения, произведенные случайно, без заранее составленного плана, не будут связаны необходимым законом, «...» чтобы черпать из природы знания, но не как школьник, которому учитель подсказывает все, что он хочет, а как судья, заставляющий свидетеля отвечать на предлагаемые им вопросы» [13, 85–86]. Причем известная регулятивная идея «как если бы» (*des Als Ob*) в отношении взаимосотворенности, а отсюда взаимосводимости субъективных категорий и объективных закономерностей, обладает перспективой экспериментального оправдания – в искусственном расположении «ближайших» причин и следствий. В итоге, экспериментально-математически узаконенная автономность Книги Природы от собственно Природы привела, по словам К.А. Свасьяна, к «вырождению» собственно науки в научно-технический прогресс: ««...» надо было буквально принять за реальность чистейшие символы дифференциального исчисления, чтобы добиться сказочных результатов, скажем, в баллистике или машиностроении «...» как можно меньше понимания и знания по существу, как можно больше “интерпретаций” «...»» [31, 398].

Несмотря на то, что последствием всей «проективно-конструктивной установки» новоевропейской науки [20] была маргинализация антропологии и, тем более, вненаучных форм знания по их (не)соответствию идеалу *knowledge is power*, они также прониклись психологией манипуляции реальностью, изоцряя ее если не в хрестоматийной форме «каузальной атрибуции», то в порядке осознания спонтанной мотивации: ««...» когда

момент принятия решения уходит в отдаленное прошлое, человек систематизирует сделанный им когда-то выбор, подкрепляет его многими основаниями и в конечном счете не может даже представить себе, что у него по данному поводу были какие-то сомнения. Подобные явно стохастические аспекты принятия решения могут иметь своим последствием переход туманно-неопределенного замысла в тематическое решение» [21, 70–71]. При достаточном подкреплении бессознательной случайности таких *решений* необходимостями социального законодательства появляются основания перевести их (по аналогии с частным технико-экспериментальным редуцирующим законодательством) в разряд закономерностей – «естественно-исторических» или «общественно-исторических».

Так или иначе мировоззренческое неприятие идеала нецесситарности *закона* ввиду его репрессирующей функции получает повод ограничивать эвристичность этой категории классическими рамками – в качестве структурной единицы теории, замкнутой на процедуру *объяснения*. Тем более, что последняя, в свою очередь, восходит к классическому образу *сознания* Николая Кузанского в виде прозрачной точки чистой субъективности, стремящейся в единой формуле всех движений охватить Вселенную и тем самым обрести самотождественность. В таком сознании происходит *отождествление* логических оснований мышления и предметных закономерностей природы, наиболее эксплицированное в принципе *ментализма*: истинный порядок естественных событий изначально должен вписываться в формально-логические схемы, а «объективные закономерности» – в «субъективный закон». Другими словами, освобождение природы от пространственно-временных обстоятельств, совпадающее с обезличиванием способности ее познавать, дало новоевропейскую идею закона как формы «чистого разума», относительно независимой от эмпирии, что по образцу всемирного тяготения полностью сводится к логике *реализации* предметной сущности [35, 79].

В онтологическом аспекте («по горизонтали») она воспроизводится в соответствии с принципом причинности, а в гносеологическом («по вертикали») – по принципу дедуктивного доказательства и языковой тавтологии. В свое время такая симметрия предоставляла католической доктрине миропорядка (*Ordo*) координаты для четкого соизмерения «свободных» инициатив человеческого субъекта и их моральной оценки со стороны божественного Субъекта. В соответствии с перипатетическим рефлексом квалифицировать случайность как «нечто противное разуму» [1, 93], этот вариант теодицеи исключал теистическую окказионалистскую опеку: человек поощрялся или наказывался опосредованно – через поучительное (не)нарушение *Ordo*. Овладение последним по мере дистанцирования разума и морали становится самоцелью, так что «наука принесла отождествление двух понятий *Ratio* и *Ordo* – «разум» и «порядок» во времена Ньютона и Лейбница рассматривались как синонимы» [26, 152].

Случай же из-за своей моральной неопределенности и рациональной необязательности приобретает коннотацию не-естественности.

С подобным отождествлением закладывается классическая научная методология, предполагающая соотнесение факторов целенаправленной деятельности по одному из общих признаков (например, стоимости), обеспечивая тем самым структурную гомогенность рассуждений, а человеческому субъекту в целом – самоконтроль [28]. При этом отвлекаются от тех свойств факторов, которые нельзя осмыслить исключительно в контексте цели, поскольку и насколько они не соответствуют формальному языку данной системы, предполагающему в своих границах исчисление. В осуществляемой таким образом идеализации математически артикулированная цель селектирует факторы по мере их оптимальности, а установление причинной связи с целью придает факторам смысл «средства».

После Ф. Бэкона очерченное подчинение «естественных» причин экспериментально-математически оправданной закономерности постоянно приращает к своей юрисдикции новые предметные области. Поэтому произошедшее на рубеже XIX–XX вв. революционное освоение научной репрезентацией микро- и мега-реальности, когда непосредственным референтом научных моделей становятся не качественные материальные объекты, а математизированные теории и их приборные производные, воспринимается также как закрепление вассалитета референции относительно методологической целесообразности. Такая репрезентативная функция, по кантианскому образцу помещающая вне закона эмпирическое происхождение научных форм, номинируется, с легкой руки А. Эйнштейна, в *конструктивистскую* норму познания [38]. Усилиями конструктивистских процедур идеализации, абстрагирования и моделирования господствовавшие раньше эмпирические схемы взаимодействия «модель – оригинал» уступают свою посредническую функцию познавательных форм *теоретическим* схемам взаимодействия «модель – модель», а получаемые из них законы оказываются вероятностно отнесенными к оригиналу. «Идеализированный объект выступает таким образом не только как теоретическая модель реальности, но он неявно содержит в себе определенную программу исследования, которая реализуется в построении теории. Соотношения элементов идеализированного объекта – как исходных, так и выводных, представляют собой теоретические законы, которые (в отличие от эмпирических законов) формулируются не непосредственно на основе изучения опытных данных, а путем определенных мыслительных действий с идеализированным объектом <...> Из этого вытекает, в частности, что законы, формулируемые в рамках теории и относящиеся по существу не к эмпирически данной реальности, а к реальности как она представлена идеализированным объектом, должны быть соответствующим образом конкретизированы при их применении к изучению реальной действительности» [36, 239].

Несмотря на то, что модели — только предварительное средство получения закона, в контексте сегодняшнего концептуального разнообразия в основаниях науки они обладают привлекательным преимуществом операционального выхода на научную рациональность. Соответствуют закону только статистически, они защищены от социологизаторских и аксиологических спекуляций, сопровождающих становящуюся парадигму. Для этого мнения существуют основания в изначальной природе закона, предполагающей следствием различения структуры реальности и ее идеальной модели процессуально-историческую сходимость концептуальных реконструкций и онтологии [32]. Поэтому модельные «способы описания» выдвигаются в прообразы нового *смысла* категории закона, снимающего в диалектике научной репрезентации реальности противоречия формы и содержания, описания и объяснения, повышая тем самым интегративно-методологическую состоятельность науки.

С другой стороны, возрастающее в моделировании абстрагирование от материально-предметных корреляций оригинала модели в пользу непричинных структурных и функциональных подобий, приводит к отчуждению от первичной мировоззренческой интуиции референта-оригинала. По словам Дж. фон Неймана, «науки не пытаются объяснить, вряд ли они даже стараются интерпретировать — они в основном создают модели» [8, 349]. Так закладывается *внутринаучное* условие субъективности, когда идеализации, основанные на герменевтическом скачке от части к целому, выходят за пределы здравого смысла, который, единственно способен возвращаться от общего к частным случаям [12, 370–371]. Поэтому указанная инструменталистская тенденция ревизируется феноменологической интерпретацией, направленной на восстановление «эйдетической целостности явления». Помимо привычного удостоверения «закона причинной связи» последовательным наблюдением и экстраполяцией на смежные случаи [23, 423–427] все чаще требуется оценка с(о)крытых посылок целесообразности альтернативных идеализаций для данного типа ситуации, решаемой проблемы, научного этоса или других ценностей модельера [25].

На философско-методологическом уровне сложившаяся ситуация поднимает проблему подкрепления теоретических моделей естествознания не только объяснительным принципом дополнительности альтернативных формализмов, но и сугубо *феноменологическими моделями*. Призванные заново кодировать восприятие оригинала, они восстанавливают его первичное понимание и изощряют верификацию обособившихся способов его описания, обеспечивая тем самым более точное предсказание [14]. Однако фактическое поражение А. Эйнштейна в известном и затянувшемся до 1970-х споре о «скрытых параметрах» официально упрощает дело в общем провозглашении вероятностно-статистической революции неклассической науки.

Менее категоричное заключение оставит проблему открытой и зафиксирует раскол науки на «референтную» и «фиктивную» («симуляционную») по их стратегии обращения с качественной *материей*: раскрытие ее возможностей *или* освобождение возможностей от нее. Тогда в более широком контексте они получают продолжение в актуальном споре о духовной интерпретации *и* технической формализации социальной жизни: следует ли *каждое* «отчуждение» духовных целей в «теле» объекта подвергать социокультурной интерпретации, восстанавливая *общность* его понимания, *или* ограничиться вероятностно-статистическим учетом целеполагания как «целерациональностью», не распространяя субъект-субъектные отношения за пределы социальной коммуникации? [17, 49–56].

Очевидно, что в отличие от эпистемологического «идеала метода» повседневная практика научного исследования в эпоху повышения удельного веса методологического компонента и коллективного сотрудничества по фатально-историческим лекалам схоластики дистанцируется от исходных целей. Обезличиваясь, структура предметно-преобразовательной деятельности сводится к схеме «средство-результат», игнорируя непростые отношения результата и исходной цели, отдаваемой на откуп виртуальным прескрипциям научного этоса. В сочетании с актуальной деконструкцией последних симптомов мировоззренческого космоцентризма, предполагавшего исходное или аппроксимативное тождество рефлексии ценностей и мимезиса внешнего мира, самодовление языково-познавательных структур («существенно теоретический стиль мышления») принимает местами крайность *интенциональной* концепции репрезентации, где функция референции подчиняется приоритету художественной свободы, моделирование — демонстрации (деформации, манифестации), концептуально-смысловые системы — изошренным *симуляциям* знаково-символических систем [29].

Таким образом тенденция опосредования онтологии перерастает в ее своеобразную «бюрократизацию», порождая новую единицу научно-методологического анализа — партикулярные языковые игры (дискурсы), в которых эпистемологический контроль (легитимация) переносится с логических и эмпирических верификаций на операционалистские, а рефлексия — с целей познания на *средства* [22, 92, 99–114]. Проблема их альтернативности (и соответственно критериев рациональности) в онтологическом плане соответствует *проблеме редукции* альтернативных возможностей «естественной сущности» в действительность ее закона, обострившейся после неклассической негации фигуры *субъекта* как абсолютного «Внешнего Наблюдателя» в пользу относительного «когнитивного агента».

В постмодернистской рефлексии, раскрывающей общую генеалогию логического и политико-юридического субъектов, указанная тенденция предстает последствием кризиса «априорности» как исходной целостности вещи и знака, индивида и социума. Будучи предвосхищаемой

конкретизацией ценностей, субъективный контекст цели теперь одновременно актуализирует и объективный контекст референта [16]. Для этого привлекаются аксиомы, константы, функции, очерчивающие условия возможности субъективного начала, так что оба взаимополагающих контекста оказываются лишь частью изначального хаоса, виртуально присутствующего на периферии научного дискурса [9, 135–137]. Итоговые научно-познавательные формы как субъективный срез хаотической первореальности по выработанному дискурсу получают статус «*изобретений интеллекта*», предназначенных для освоения сложной и уникальной природы по *действующим* в сознании ученых меркам.

Отсюда происходит *критика* просветительского нарратива социального прогресса по освоению естественных возможностей, организуемых в современном языке функциональной зависимостью: так же как отчуждение интеллектуальной элиты от социальных целей приводит к децентрации фигуры субъекта, релятивизация целей в средствах (идеализациях) познания приводит к децентрации закона природы. Тогда деконструкция целостности компенсируется умеренной герменевтической стратегией с ценностно нейтральными задачами установления или раскрытия возможных подобий. Их языковое оформление сначала нивелирует феноменальное отличие всех вещей в «хаос», полагаясь затем на модельно-статистическую перспективу научно-технической способности отождествить «субъективный закон» и «объективную закономерность». Так ведущий математический язык репрезентации в стохастическом изошрении неклассической статистики нащупывает новый – постнеклассический – запас прочности к краху идеала полноты описания.

Выводы. Дилемма античной имманентной и средневековой трансцендентной концепций номологии, разрешенная было в первой глобальной научной революции методическим сочетанием эмпирического и теоретического, в современном контексте обнаруживает, что гарантии нецесситарности закона обеспечивались герменевтическим скачком динамического редукционизма или статистического обобщения элементов. Новое звучание этой дилеммы состоит в открытом выборе между стохастизацией средств и релятивизацией целей рационального познания. Вместе с тем, реализация вывода требует дальнейшей разработки историко-научных аспектов детерминизма и может придать эвристичность актуальной проблеме взаимодействия естественнонаучной и социогуманитарной рациональности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Физика // Аристотель. Сочинения в 4-х т.: [пер. с древнегреч.] / Аристотель. – М. : Мысль – 1976 – 1981. – Серия: Философское наследие. – Т. 3. – 1981. – С. 59–262.
2. Баженов Л. Количественные законы и их роль в познании природы / Л. Баженов // Философская энциклопедия: в 5 т. / [гл. ред.

Ф. В. Константинов; Ин-т философии АН СССР]. – М. : Гос. науч. изд-во «Сов. Энциклопедия». —1960 – 1966. – Т. 2. – 1962. – С. 152–154.

3. Башляр Г. Новый научный дух / Г. Башляр // Башляр Г. Новый рационализм : [пер. с фр.] / Предисл. и общ. ред. А.Ф. Зотова. – М.: Прогресс, 1987. – С. 28–160.

4. Бодріяр Ж. Фатальні стратегії; [пер. з фр. Л. Кононовича] / Ж. Бодріяр. – [наук. вид.]. – Л.: Кальварія, 2010. – 192 с.

5. Бэкон Ф. Новый Органон / Ф. Бэкон; [пер. с англ. С. Красильщикова] // Бэкон Ф. Сочинения в 2 т.: [пер. с англ. и лат.] – [2-е изд.]. – М. : Мысль, 1977–1978. – Т. 2. – 1978. – С. 5–214. – Сер.: Философское наследие.

6. Витгенштейн Л. Tractatus logico-philosophicus; [пер. с нем. и коммент. В.Руднева] / Л. Витгенштейн // Витгенштейн Л. Избранные работы. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. – С. 14–222. – Университетская библиотека А. Погорельского (Сер. философия).

7. Герц Г. Концепция детерминизма в марксистско-ленинской философии и современная наука / Г. Герц // Современный детерминизм и наука : [сб. науч. трудов в 2-х тт.] / Ин-т истории, филологии и философии Сиб. отд.; Отв. ред. Свечников Г.А.; ред. Д.К. Беляев и др. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1975. – Т. 2. – С. 5–30.

8. Глейк Дж. Хаос: Создание новой науки: [науч.-поп. изд.] / Дж. Глейк; [пер. с англ. М.С. Нахмансона, Е.С. Барашковой]. – СПб. : Амфора, 2001. – 398 с.

9. Делез Ж. Что такое философия? / Ж. Делез, Ф. Гваттари; [пер. с фр. и послесл. С.Н. Зенкина]. – М.: Академический проект, 2009. – 261 с. – Сер.: Философские технологии.

10. Добронравова И. Постнеклассический тип рациональности и основания синергетики / И. Добронравова // Sententiae. – 2004. – спецвип. №1. – С. 190–199.

11. Йонас Г. Принцип відповідальності. У пошуках етики для технологічної цивілізації / Г. Йонас; [пер. з нім.]. – К. : Лібра, 2001. – 400 с.

12. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // И. Кант. Соч. в 6 т. : [пер. с нем. Н.М. Соколова; ред. Т.И. Ойзермана] / И. Кант. – М. : Мысль. – 1963 – 1966. – Сер. : Философское наследие. – Т. 6. – 1966. – С. 349–588.

13. Кант И. Критика чистого разума // И. Кант. Соч. в 6 т. : [пер. с нем. Н. Лосского; ред. Ц.Г. Арзаканьяна, М.И. Иткина, Т.И. Ойзермана] / И. Кант. – М. : Мысль. – 1963 – 1966. – Сер. : Философское наследие. – Т. 3. – 1964. – С. 69–756.

14. Картрайт Н. Почему именно физика? / Н. Картрайт // Пенроуз Р. Большое, малое и человеческий разум / [Р. Пенроуз, А. Шмони, Н. Картрайт, С. Хокинг] ; [пер. с англ. А.В. Хачояна под ред. Ю.А. Данилова]. – М. : Мир, 2004. – С. 92–95. – Сер.: Рубежи науки.

15. Категории «закон» и «хаос»: [колл. науч. мон. / М.А. Парнюк, Б.П. Лазаренко, Е.Н. Причепий и др.; отв. ред. М.А. Парнюк; АН УССР, Каф.

філософії]. – К.: Наук. думка, 1987. – 295 с. – Сер.: Матеріалістическа діалектика.

16. Кліпінгер Д. Референт / Д. Кліпінгер // Енциклопедія постмодернізму / [за ред. Ч. Вінкіста та В. Тейлора]. – К.: Вид-во Соломії Павличко «Основи», 2003. – С. 361.

17. Козловски П. Культура постмодерна: Общественно-культурные последствия технического развития / П. Козловски; [пер. с нем. Л.В. Федоровой и др.]. – М.: Республика, 1997. – 240 с. – Сер.: Философия на пороге нового тысячелетия.

18. Косарева Л. М. Социокультурный генезис науки нового времени / Л. М. Косарева. – М.: Наука, 1989. – 160 с.

19. Кримський С. Рациональності концепція / С. Кримський // Філософський енциклопедичний словник / [гол. ред. В.І. Шинкарук]. – К.: Абрис, 2002. – С. 539.

20. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая / В. А. Лекторский; РАН Ин-т философии. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 256 с.

21. Лем С. Философия случая / Станислав Лем: [пер. с пол. Б.А. Старостина]. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – 767 с.

22. Лиотар Ж.Ф. Состояние постмодерна / Ж.Ф. Лиотар; [пер. с фр. Н.А. Шматко]. – М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.,

23. Милль Дж.Ст. Система логики силлогистической и индуктивной: Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования; [пер. с англ. под ред. В.Н. Ивановского]. – [изд. 5-е, испр. и доп.]. – М.: Ленанд, 2011. – 832 с. – Сер.: Из наследия мировой философской мысли.

24. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла / Ф. Ницше; [пер. с нем. Н. Полилова] // Ницше Ф. Сочинения в 2-х т.: [науч.-исслед. изд. / сост., ред. и авт. примеч. К.А. Свасьяна]. – М.: Мысль, 1996. – Сер.: Философское наследие. – Т. 2. – С. 238—406.

25. Петров Ю.А. Практическая методология : [мон.] / Ю.А. Петров, А.А. Захаров – Озерск: ОТИ МИФИ, 2001. – 107 с.

26. Попович М.В. Рациональность и типы онтологии / М.В. Попович // Логика и проблема рациональности: [сб. ст.]. – К.: Наукова думка, 1993. – С. 151–174.

27. Пригожин И. Конец определенности. Время, хаос и новые законы природы. / И. Пригожин. – Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2000. – 208 с.

28. Пружинин Б.И. Рациональность и единство знания // Рациональность как предмет философского исследования : [сб.] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; [Отв. ред. В.А. Лекторский; ред. Б.И. Пружинин, В.С. Швырев]. – М.: ИФ РАН, 1995. – С. 102–119.

29. Ратников В.С. Модернизм и неклассическая физика: сопоставление стилей мышления и способов репрезентации реальности / В.С. Ратников // *Sententiae* – 2001. – №2 (IV). – С. 85–97.

30. Режабек Е.Я. Платоновская парадигма и синергетика / Е.Я. Режабек // *Научная мысль Кавказа*. – 1999. – №2. – С. 3–13.

31. Свасьян К.А. Становление европейской науки / К.А. Свасьян. – [2-е изд.]. – М.: Эвидентис, 2002. – 438 с.

32. Сидоренко Е.А. Закон / Е.А. Сидоренко // *Энциклопедия эпистемологии и философии науки* / [под ред. И.Т. Касавина; науч.-ред. совет ИФ РАН: Степин В.С., Гайденко П.П., Лекторский В.А., Ойзерман Т.И.]. – М.: Канон + РООН «Реабилитация», 2009. – С. 239–242.

33. Сокал А. Интеллектуальные уловки. Критика философии постмодерна / А. Сокал, Ж. Брикмон; [пер. с англ. А. Костиковой и Д. Кралечкина; предисл. С.П. Капицы]. – М.: «Дом интеллектуальной книги», 2002. – 248 с.

34. Черникова И.В. Постнеклассическая наука и философия процесса / И.В. Черникова. – Томск: Изд-во НТЛ, 2007. – 252 с.

35. Шпарага О. Телесный субъект: Я как моя боль и как моя любовь / О. Шпарага // *Топос*. – 2002. – №2(7). – С. 76–89.

36. Штанько В.И. Философия и методология науки: [уч. пос. для асп. и маг. ест. и техн. вузов] / В.И. Штанько. – Харьков: ХНУРЭ, 2002. – 292 с.

37. Шуков В. А. Оправдание случайности / В. А. Шуков, Г. Н. Хон. – М.: Наука, 1990. – 155 с.

38. Эйнштейн А. Замечания о теории познания Бертрана Рассела // Эйнштейн А. Собрание научных трудов в 4-х тт. / Под ред. И.Е. Тамма, Я.А. Смородинского, Б.Г. Кузнецова. – Т. IV. (Статьи, рецензии, письма. Эволюция физики). / А. Эйнштейн – М.: Наука, 1967. – С. 248–252.

39. Энгельс Ф. Письмо К. Шмидту, 12 марта 1895 г. / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные письма / Ин-т Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП (б). – М.: ОГИЗ гос. изд-во полит. л-ры, 1947. – С. 481–485.

РЕЗЮМЕ

З. Ю. Макаров. Класична категорія «закон» у перспективі сучасної наукової раціональності.

У статті здійснюється продуктивний перетин актуальних проблем ймовірного підходу, модельної репрезентації, післялапласівського детермінізму в контексті сучасної наукової раціональності з метою представити сучасну номологію здатною несуперечливо охопити найрізноманітніші смисли категорії закону, зокрема й найбільш проблемні «стохастичні» з притаманними їм процесуальними характеристиками випадковості. В поєднанні з постнекласичним образом світу, в якому спостерігається синтез класичної і некласичної інтенцій онтології, антропології та соціальної культурології, структурний потенціал категорії

закону має забезпечити дисциплінарну комунікацію для докладнішої експлікації сучасної наукової раціональності.

Ключові слова: закон, номологія, випадковість, імовірність, ідеалізація, модель, пояснення, розуміння, доцільність, раціональність.

SUMMARY

Z. Y. Makarov. Classical Category «Law» in Prospects of Modern Scientific Rationality.

In article heuristic comparison of actual problems of the probability approach, modeling representation and postLaplace determinism in a context of the modern scientific rationality is led. This comparison is led to present on purpose modern nomology capable consistently to envelop various senses of a category «law» (in particular, the most problematic – «stochastic») with procedural characteristics of randomness peculiar to them. Structural potential of a classical category «law» in a combination to postnonclassical image of the world (in which synthesis of classical and nonclassical intensions of ontology, anthropology and social cultural science is watched) promise to provide disciplinary communications for fuller explication of the modern scientific rationality.

Key words: law, nomology, randomness, probability, idealization, model, an explanation, understanding, expediency, rationality.

УДК 316.42

Н. М. Зленко

Сумський державний педагогічний
університет імені А.С.Макаренка

ЕВОЛЮЦІЯ НАУКОВИХ ПОГЛЯДІВ НА ФОРМУВАННЯ ПОНЯТТЯ «РИЗИК»

У статті проаналізовано сутність поняття «ризик», розглянуті основні підходи та концепції ризиків (Ф. Найта, У. Бека, Е. Гідденса, Н. Лумана).

Ключові слова: ризик, соціальний ризик, невизначеність, випадковість, цінність.

Розвиток сучасної цивілізації вступив у період, коли першочерговою стає необхідність корінних якісних трансформацій для виживання й подальшого поступального руху людства, беручи до уваги зміни техніко-технологічного й інформаційного порядку. Це дає підстави говорити про нову парадигму людського існування в якісно новому техногенному інформаційному суспільстві.

В сучасних теоріях розвитку суспільства існує велика кількість підходів до його визначення: постіндустріальне суспільство (Д. Белл), постфордизм і